

ОТТО ФОН

БИСМАРК

С русскими
не играют

Где нет честности
перед самим собой,
там нет и ясности

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ БИОГРАФИИ

Эксклюзивные биографии

Отто фон Бисмарк
С русскими не играют

«Издательство АСТ»

УДК 94(430)(092)
ББК 63.3(4Гем)-8

фон Бисмарк О.

С русскими не играют / О. фон Бисмарк — «Издательство АСТ»,
— (Эксклюзивные биографии)

ISBN 978-5-17-157402-4

Первый канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк вошел в историю как «железный канцлер». О нем — создателе II Рейха — написано тысячи книг, но ни одна из них так и не смогла раскрыть все тайны этой самой яркой и неординарной личности 19 века. И ни один из историков не смог разгадать секреты его политической гениальности и прозорливости. Споры о нем бесконечны. Как из «бешеного юнкера» Бисмарк превратился в «бешеного депутата» Берлинского ландтага? Почему потомок рыцарей решал «великие вопросы времени» железом и кровью? Для чего он развязал друг за другом три войны — с Данией, Австрией и Францией? Почему он поддерживал двух российских императоров — Александра II и Николая II? Какие интриги он плел, будучи послом Пруссии в России? Чем закончилась страстная любовь Бисмарка и юной русской княгини Екатерины Орловой-Трубецкой? Какие предупреждения Бисмарка о грядущих военных конфликтах полностью сбылись? А какие его оценки будущего, которое ожидает мир, не потеряли актуальности и в наши дни? На эти и другие интригующие вопросы, проливающие новый свет на удивительную жизнь немецкого канцлера, вы найдете ответы в его мемуарах. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(430)(092)
ББК 63.3(4Гем)-8

ISBN 978-5-17-157402-4

© фон Бисмарк О.
© Издательство АСТ

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Отто фон Бисмарк С русскими не играют

© ООО «Издательство АСТ»

Глава 1

Бисмарк и Россия

Едва ли в истории европейских государств найдутся еще такие примеры: когда неограниченный монарх великой державы оказал своему соседу такую услугу, как император Николай – Австрийской монархии. В 1849 г. Венгрия находилась в опасном положении. Он пришел ей на помощь 150-тысячным войском, умирив страну, восстановив там королевскую власть, а затем отозвал свои войска и не потребовал за это никаких выгод, никакого возмещения, не упомянул о спорных вопросах – восточном и польском. Николай продолжал оказывать Австро-Венгрии дружескую и бескорыстную помощь не только во внутренней политике, но и в дни Ольмюца¹ – во внешней политике и за счёт Пруссии. Если бы даже он руководствовался не дружбой, а теми соображениями, которые диктовала ему императорская русская политика, всё это было чем-то большим, чем обычная политическая услуга, оказанная одним монархом другому монарху, – лишь такой самовластный и рыцарственный самодержец, как Николай, был способен на этот поступок.

В то время Николай видел в императоре Франце-Иосифе своего преемника и наследника в правлении консервативной триадой². Последнюю он считал единой перед лицом революции и, заботясь о поддержании ее гегемонии, надеялся больше на Франца-Иосифа, нежели на собственного наследника. Что касается способности нашего короля Фридриха-Вильгельма взять на себя роль вождя на поприще политической практики, то о ней он был еще более низкого мнения и считал, что король, равно как и его собственный сын и наследник, не способен руководить монархической триадой. В Венгрии и Ольмюце император Николай действовал, будучи убежденным в том, что волей божиею он призван встать во главе монархического сопротивления революции, надвигавшейся с Запада. Но он был идеалистом по природе, хотя обособленность русского самодержавия и придала ему определенную черствость. Нужно лишь удивляться, как при всем, что ему пришлось пережить начиная с декабристов, он пронес через всю свою жизнь идеалистический порыв. Из одного случая, рассказанного мне самим Фридрихом-Вильгельмом IV, ясно, как Николай понимал отношения со своими собственными подданными. Как-то он попросил Фридриха-Вильгельма прислать двух унтер-офицеров из прусской гвардии для массажа спины, который ему предписали врачи и во время которого пациент должен был лежать на животе. Просьбу он сопровождал словами: «С моими русскими я справлюсь всегда, лишь бы я мог смотреть им в лицо, но со спины я бы все же предпочел их не подпускать». Унтер-офицеры были отправлены тайно, использованы по назначению, после чего получили щедрое вознаграждение. Несмотря на религиозную преданность русского народа своему царю, Николай не был убежден в своей защищенности, даже с глазу на глаз с подданным-простолудином. Но сильный характер и воля до конца дней не давали этим чувствам сломить его.

Если бы в те времена у нас на престоле было лицо, столь же приятное ему, как молодой Франц-Иосиф, то он, возможно бы, поддержал Пруссию в том споре о гегемонии в Германии, как поддержал он Австрию. Условием для этого служило бы закрепление Фридрихом-Вильгельмом IV победы своих войск в марте 1848 г., и это было вполне возможно без тех последующих репрессий, похожих на те, которые пришлось Австрии применить в Праге и Вене руками Виндишгреца, а в Венгрии – благодаря русским.

---

¹ При заключении Ольмюцкого соглашения Австрия добилась уступок от Пруссии главным образом благодаря поддержке, оказанной ей царской Россией.

² Под консервативной триадой подразумеваются три основные державы Священного союза – Россия, Австрия и Пруссия.

В мое время в обществе Петербурга можно было видеть три поколения. Самое высокое из них – европейски и классически образованные *grands seigneurs* [вельможи] времен Александра I – исчезало. К нему относились Меншиков, Воронцов, Блудов, Нессельроде, а по уму и образованности также и Горчаков, который вследствие своего непомерного тщеславия несколько уступал вышеназванным. Все они принадлежали к сливкам европейского общества, имели классическое образование, свободно говорили не только по-французски, но и по-немецки. Второе поколение – это ровесники императора Николая, или же отмеченные его печатью. Эти люди в своих разговорах были ограничены преимущественно придворными новостями, театром, продвижением по службе, наградами и сугубо военными вопросами. В качестве исключения здесь может быть назван старик-князь Орлов, выделяющийся своим характером, изысканной учтивостью и безупречным отношением к нам и по своему духовному облику приближающийся к старшему поколению, а также граф Адлерберг и сын его, впоследствии министр двора, наряду с Петром Шуваловым, светлейшая голова, из тех, с кем мне приходилось там встречаться, пожалуй, ему не хватало только трудолюбия, чтобы играть ведущую роль; это и князь Суворов, более других симпатизировавший нам, в нём традиции русского генерала николаевских времен сочетались в резком, но не вполне приятном контрасте с привычками немецкого бурша, вышедшего из немецких университетов; это и железнодорожный генерал Чевкин³, человек в высшей степени тонкого и острого ума, каким часто выделяются горбатые люди, обладающие своеобразным умным строением черепа, – он всегда ссорился и одновременно был в дружбе с князем Суворовым; и, наконец, это барон Петр фон Мейендорф, самое приятное, с моей точки зрения, явление среди дипломатии старшего поколения. В свое время он был послом в Берлине, а по образованию и утонченности манер относился скорее к александровскому времени. Благодаря своему уму и смелости он в ту пору пробился из положения молодого офицера армейского полка, с которым был во французских походах⁴, на уровень государственного деятеля, к словам которого внимательно прислушивался император Николай. У Мейендорфа был гостеприимный дом как в Берлине, так и в Петербурге, туда всегда было приятно прийти. И этому в немалой степени способствовала его супруга, женщина благородная, глубоко порядочная, приветливая и с мужским умом, еще более ярким образом, чем ее родная сестра, госпожа фон Фринтс во Франкфурте, подтвердившая ту истину, что в семействе графов Буоль наследственный ум передается именно по женской линии⁵. Брат её, австрийский министр граф Буоль, не получил той его доли, без которой нельзя распоряжаться политикой великой монархии. Эти брат и сестра не были друг другу ближе, чем австрийская и русская политика. Когда меня в 1852 г. послали с чрезвычайной миссией в Вену, отношения между ними были еще таковы, что госпожа Мейендорф была склонна облегчить осуществление моей, дружественной Австрии, миссии: несомненно, ею руководили инструкции супруга. Император Николай в то время желал нашего соглашения с Австрией. Когда год или два спустя, во время Крымской войны, речь зашла о моем назначении в Вену, отношение госпожи Мейендорф к брату проявило себя в следующем: она надеялась, что я приеду в Вену и «доведу Карла до желчной лихорадки». Как жена своего мужа, госпожа Мейендорф была русской патриоткой, но даже без этого она и по своему личному побуждению не могла одобрить той агрессивной и неблагодарной политики, на путь которой граф Буоль толкал Австрию. Третье, поколение – молодое – обычно обнаруживало меньшую учтивость в обществе, подчас дурные манеры и, как правило, большую антипатию к немецкому, в особенности же к прусскому, нежели оба старших поколения. Когда по незнанию русского языка к этим господам обращались по-немецки,

³ Константин Владимирович Чевкин (1802–1875) был в 1853–1862 гг. главноуправляющим путей сообщения.

⁴ Речь идет о кампании 1813–1814 гг. против наполеоновской Франции.

⁵ *Kunkellehn* – лен, который в случае отсутствия наследника мужского пола мог передаваться по наследству по женской линии.

они не прочь были скрыть, что понимают этот язык, отвечали неучтиво или вовсе отмалчивались, а в своем отношении к штатским далеко не соблюдали того уровня учтивости, какой был принят в кругу лиц, носивших мундиры и ордена. По распоряжению полиции слуги представителей иностранных правительств носили галуны и особо присвоенные им ливреи. Это было вполне целесообразно, ведь иначе члены дипломатического корпуса, не имевшие обыкновения носить на улице мундир и ордена, рисковали такими же, порой крупными, неприятностями с полицией и лицами из высшего общества, каким зачастую подвергались на улице или на пароходе штатские, если они не имели орденов или не были известны как лица знатные. То же самое я наблюдал в наполеоновском Париже. Если бы я прожил там дольше, то мне пришлось бы усвоить французский обычай и ходить по улице не иначе, как с тем или другим знаком отличия. Однажды во время какого-то празднества на одном из парижских бульваров мне довелось быть свидетелем такой сцены: толпа из нескольких сотен человек оказалась не в состоянии двинуться ни назад, ни вперед, попав из-за чьей-то нераспорядительности между двумя отрядами войск, которые маршировали в противоположном один другому направлении. Полиция, не понимая причины затора, бросилась на толпу, пустив в ход кулаки и столь излюбленные в Париже *cours de pied* [пинки ногой], пока не встретила лицом к лицу с каким-то *monsieur decore* [господином с орденом]. Красненькая ленточка побудила полицейских выслушать протесты ее носителя и заставила их наконец убедиться, что толпа, которая казалась им строптивой, на самом деле была зажата между двумя отрядами войск и поэтому не могла никуда податься. Начальник взъяренных полицейских вышел из положения с помощью шутки: указывая на отряд венсенских стрелков, которые дефилировали беглым шагом и не были им замечены с самого начала, он произнес: «Ну что ж, придется обратить их в бегство». Публика, включая избитых, захохотала, все же, кто избежал побоев, разбрелись с чувством признания к *decore*, который спас их своим появлением. Теперь и в Петербурге я рекомендовал бы выходить на улицу не иначе, как со знаками одного из высших русских орденов, если бы здешние расстояния не заставляли по обыкновению пользоваться каретой, а не ходить пешком. Даже при езде верхом, но в штатском и без конюха не всегда было можно избежать опасности и стать жертвой злого языка или неосторожной езды кучеров видных сановников, которые отличаются своей особой формой одежды. Тот всегда поступал правильно, кто свободно владел конем и имел при себе хлыст, добиваясь при таких конфликтах признания законности своего равноправия с хозяином кареты. Большинство немногочисленных всадников в окрестностях Петербурга составляли немецкие или английские купцы, избегавшие в силу своего положения неприятных столкновений и предпочитавшие снести оскорбление, но не обращаться с жалобой к властям. Лишь малая часть офицерства пользовалась отменными для верховой езды дорогами на островах или в ближайших окрестностях столицы, да и та была, как правило, немецкого происхождения. Все старания высших сфер пристрастить офицеров к езде верхом не имели стойкого успеха и приводили только к тому, что в течение нескольких дней после каждого напоминания навстречу императорским каретам попадалось чуть больше всадников, чем обычно. Отличительно то, что лучшими наездниками среди военных прослыли два адмирала: великий князь Константин и князь Меншиков. Помимо искусства верховой езды тогдашнее молодое поколение уступало предшествующему поколению современников императора Николая I в соблюдении манер и хорошего тона; в смысле европейского образования и общего уровня воспитания представители обоих этих поколений уступали старым вельможам времен Александра I. Все же в придворных кругах и в так называемом обществе, а также в тех аристократических домах, где преобладало влияние дам, имел место безупречный светский тон. Но молодые люди проявляли совсем уже не ту учтивость, когда приходилось с ними сталкиваться при таких обстоятельствах, где они находились вне влияния и контроля придворной сферы и дам высшего круга. Не мне судить, в какой степени то, что мне пришлось видеть, можно объяснить общественной реакцией со стороны молодого поколения против довольно сильного прежде немецкого влия-

ния и в какой – упадком образования в русском обществе по сравнению с эпохой императора Александра I. Возможно, здесь сказалась и ситуация в парижском обществе, которое оказывает свое воздействие на русский высший свет. Хорошие манеры и отменная учтивость уже не так часто встречаются в господствующих кругах Франции, за пределами Сен-Жерменского предместья, как это было ранее и как я наблюдал это при знакомстве с пожилыми французами и дамами всех возрастов во французском, а в еще более выгодном свете – в русском обществе. Так как мне по моему положению в Петербурге не приходилось сильно близко сталкиваться с младшим поколением, я вынес из моего пребывания в России лишь хорошие воспоминания, благодаря любезности двора, пожилых мужчин и дам светского круга. Антинемецкие настроения молодого поколения дали знать о себе вскоре не только мне, но и другим лицам в области политических отношений с нами особенно сильно с того времени, как мой русский коллега князь Горчаков стал проявлять по отношению ко мне обуявшее его высокомерие. До тех пор пока, претендуя на участие в моем политическом воспитании, он видел во мне только младшего сотоварища, благосклонность его не имела границ, а формы, которые принимало его доверие, выходили за пределы, допустимые для дипломата; может быть, он делал это с предвзятой целью, а возможно – из потребности покичиться перед коллегой, который сумел убедить его в своем преклонении перед ним. Отношения подобного рода стали немыслимы, едва я в качестве прусского министра принужден был развеять иллюзии, которые он питал насчет своего личного и политического превосходства. Отсюда гнев. Только я как немец, или пруссак, или как соперник начал выдвигаться на своё место в признании Европы и в исторической публицистике, как его благоволение ко мне превратилось в неприятие.

Обнаружилась эта перемена после 1870 г., или я ее ранее не замечал – не возьмусь судить. В первом случае это объяснимо вполне уважительной причиной и достаточно основательным для русского канцлера мотивом, а именно – ошибочным расчетом, что расстройство отношений между нами и Австрией даже после 1866 г.⁶ надолго останется в силе. В 1870 г. мы всегда были готовы поддержать русскую политику, помогая ей освободиться от ограничений на Черном море, которые были наложены Парижским трактатом⁷. Ограничения были противостественными и унижительными: длительный запрет на свободное плавание у своих собственных берегов был невыносимым для такой державы, как Россия. Как раньше, так и теперь, не в наших интересах было препятствовать России реализовывать излишек своих сил на Востоке, и мы должны радоваться, когда в нашем положении и с нашим историческим развитием мы находим в Европе державы, с которыми у нас нет никаких конкурирующих интересов в политической области, – Россия относится к таковым и по сей день. Мы никогда не будем жить в мире с Францией. С Россией же у нас никогда не будет желания воевать, разве что глупости либералов или династические просчёты не исказят это положение дел.

* * *

Каждый раз, как я бывал в Петербурге в одном из императорских дворцов – Царскосельском или Петергофском, хоть бы для того, чтобы посоветоваться князем Горчаковым, который жил там летом, я обнаруживал в предоставленной мне дворцовой комнате стол, сервированный для меня и того, кто был со мной, содержащий завтрак из нескольких блюд и три-

---

⁶ После 1866 г., т.е. после австро-прусской войны 1866 г.

⁷ По Парижскому мирному договору 1856 г. (см. прим. 20 к гл. V) России было запрещено держать военный флот в Черном море и Черное море было объявлено нейтральным. Россия неоднократно делала попытки добиться пересмотра соответствующих статей этого договора. 31 октября 1870 г., воспользовавшись обстановкой, создавшейся в связи с происходившей в то время франко-прусской войной, русский канцлер князь Горчаков разослал всем державам, участвовавшим в Парижском конгрессе, циркулярную депешу. В ней говорилось, что Россия не считает себя более связанной обязательствами Парижского договора, ограничивавшими ее права в Черном море.

четыре сорта замечательного вина, – других мне на императорских столах пить не приходилось. Нет сомнения, что в дворцовом хозяйстве много крали, но гости императора от этого не страдали; наоборот, их порции были рассчитаны на добрый остаток в пользу слуг. Даже в тех случаях, когда погреба и кухни использовались без особого надзора, они были совершенно безупречными. Можно допустить, что слуги, много лет пользовавшиеся невыпитыми винами, приобрели изысканный вкус и не могли бы потерпеть беспорядков, в результате которых могло пострадать качество того, что подавалось к императорскому столу. Правда, цены на поставки вин, как мне довелось узнать, были очень высоки. Но самое правильное представление о тамошнем дворцовом гостеприимстве я получил, когда вдова-императрица Шарлотта⁸ (сестра нашего короля и моя покровительница) пригласила меня к себе. Для меня на императорской кухне заказывалось три обеда, а для приглашенных со мной лиц – два. В отведенной мне квартире продолжали готовить и ставить в счет, а кроме того, наверняка поесть и выпивать завтраки и обеды для меня и моих сопровождающих, как будто ни меня, ни их и не приглашали к императрице. Мой прибор подавался и убирался и в отведенной мне квартире и у императрицы вместе с приборами моих спутников; однако там я не пользовался им, так как мне приходилось есть без моих спутников у постели больной императрицы и в ограниченном кругу. В таких ситуациях роль хозяйки дома вместо своей бабушки выполняла с присущей ей галантностью и живостью принцесса Лейхтенбергская, позже – супруга принца Вильгельма Баденского, она переживала в ту пору расцвет своей юности и красоты. Я помню еще, как в другом случае четырехлетняя великая княжна, бегая вокруг стола, за которым сидело четыре персоны, никак не хотела оказать одному высокопоставленному генералу ту же учтивость, что и мне. Я был очень потрясен тем, что на замечание бабушки великокняжеское дитя ответило, указывая на меня: «Он милый», а указав на генерала она по детской наивности произнесла: «Он воняет». После этого великокняжеское «несносное дитя» было удалено из-за стола. Как-то раз прусских офицеров, которые уже долго жили в одном из императорских дворцов, спросили их русские приятели, правда ли, они пьют столько вина, сколько на них требуют, и, если это так, то они могут только позавидовать их возможностям и позаботиться о их дальнейшем удовлетворении. Но оказалось совершенно наоборот: люди, к которым был обращен этот откровенный вопрос, отличались умеренностью в возлияниях. Тогда с их согласия провели обыск в занимаемых ими апартаментах и обнаружили тайные стенные шкафы, о которых они не знали, а в шкафах огромные запасы драгоценных вин и разнообразных яств. Поговаривают, что как-то император обратил внимание на невероятное количество сала, которое ставили в счет каждый раз, как приезжал принц Прусский. В итоге же выяснилось, что при своем первом визите принц после прогулки верхом захотел к ужину ломтик сала. Истребованный лот сала при следующих посещениях превратился в пуды. Это недоразумение сильно рассмешило высочайших особ во время беседы, что послужило на пользу замешанным в этом деле грешникам-слугам. Другую русскую черту я обнаружил во время моего первого визита в Петербург в 1859 году. Во время первых весенних дней дворцовое общество прогуливалось в Летнем саду, между Павловским дворцом и Невой. Император вдруг заметил, что прямо посреди одной из лужаек стоит часовая. Когда император спросил его, почему же он тут стоит, солдат только и мог сказать, что так было приказано. Адьютант императора осведомился о часовой на гауптвахте, там ему ничего толком не ответили, кроме того, что в этот караул летом и зимой отряжают одного часового, а кто отдал этот приказ – установить нельзя. Этот случай быстро разошелся по двору, а потом дошел и до слуг. Среди них был один старик-лакей, уже состоявший на пенсии. Он рассказал, что как-то его отец шел с ним по Летнему саду мимо караульного и сказал: «Часовой-то все караулит цветок. Императрица Екатерина увидела как-то на этом месте подснежник, который появился раньше срока, и приказала сторожить его, чтоб не сорвали». Вот и

⁸ Шарлотта – получившая в России имя Александры Федоровны, – вдова Николая I.

поставили здесь часового, с тех пор он стоит тут из года в год. Подобные случаи у нас вызвали бы насмешку и порицание, но здесь выражаются примитивная сила, стойкость и постоянство, на которых и покоится то, что составляет сущность России в противоположность остальной Европе. В связи с этим невольно вспоминаются часовые, которых не сняли с поста во время наводнения в Петербурге в 1825 году и на Шипке в 1877-м⁹, и первые из них утонули, а другие так и замерзли насмерть на своём посту.

* * *

Во времена итальянской войны¹⁰ я еще верил, что, будучи послом в Петербурге, смогу оказывать влияние на принимаемые в Берлине решения, и пытался с переменным успехом делать это, находясь во Франкфурте. Я еще не сознавал тогда, что те большие усилия, которые были затрачены мной для удовлетворения этой цели, уже не могли принести никакой пользы, потому как мои донесения и сообщения, которые посылались мной в виде личных писем, либо не доходили до регента, либо доходили с такими приписками, которые мешали им оказывать какое-либо воздействие. Тогда у меня обострилась одна болезнь, которой я обязан отравившему меня врачу, и мои труды имели лишь такой результат: точность и честность моих донесений о настроении императора показалась чрезмерно подозрительной, и для надзора за мной послали бывшего военного атташе в Петербурге – графа Мюнстера. Я был с ним в дружеских отношениях и доказал ему, что мои сообщения основаны на личных заметках императора на полях донесений русских дипломатов (их показал мне князь Горчаков), а также – на разговорах с личными друзьями, которые состоялись у меня в кабинете и при дворе. Возможно, было излишне нескромным предоставить мне собственноручные пометы императора, и в этом был свой расчет, так как нужно было, чтобы содержание этих заметок дошло до Берлина менее оскорбительным путем. Эти и другие способы, которыми до меня доходили особенно важные сообщения, явились привычными для политической практики того времени шахматными ходами. Один господин, доверивший мне такое сообщение, уходя, обернулся у дверей и произнес: «Первая моя нескромность принуждает меня ко второй. Когда будете передавать это сообщение в Берлин, не пользуйтесь вашим традиционным шифром и номером, он уже давно известен нам. А по совпадению обстоятельств у нас станет известно, что источником сообщения являюсь я. И сделайте мне одолжение: не отказывайтесь так сразу от вскрытого шифра, пользуйтесь им еще какое-то время для каких-нибудь невинных телеграмм». Тогда я, к успокоению, сделал один вывод: русским известен лишь один из наших шифров. Сохранять эти тайны, находясь в Петербурге, было очень трудно. Ни одна миссия, которая была там, не обходилась без допущения к себе прислуги и другого низшего персонала, а из этой среды тайная полиция без труда могла вербовать своих осведомителей. Однажды, когда шла австро-французская война, император Александр пожаловался мне в интимной беседе на оскорбительный и непозволительный тон, в каком немецкие властители позволяли себе критиковать политику русских в переписке с императорской фамилией. «Больше всего меня здесь задевает то, что мои немецкие кузены посылают свои выпады по личной почте, чтобы тем вернее они дошли до меня»¹¹, – заключил свою жалобу император. В таком признании он не видел ничего, что

---

⁹ Шипка – название одного из перевалов через Балканский хребет. Приобрела известность во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Русские войска героически обороняли этот важный стратегический участок. Отражая наступление противника, многие солдаты гибли в условиях суровой зимы в горах.

¹⁰ Итальянская война (австро-итальянская война 1859 г.) происходила между Австрией и Сардинским королевством, вокруг которого происходило воссоединение итальянских территорий в единое самостоятельное государство; война продолжалась с 29 апреля по 11 июля 1859 г.; Франция принимала активное участие в войне на стороне Италии. В результате войны Франция получила Савойю и Ниццу, а Ломбардская область Италии была освобождена от австрийского владычества.

¹¹ Ср. письмо Бисмарка к министру фон Шлейницу от 20 мая 1859 г., Briefwechsel u.s.w., S. 22: «Его величество очень

было бы достойно осуждения, так как был убежден, что это есть право монарха – любым путем знакомиться с содержанием пересылаемого по русской почте. Прежде в Вене были такие же порядки. В ту пору, пока не были построены железные дороги, случалось такое, что по переезде прусским курьером австрийской границы к нему в экипаж подсаживался австрийский чиновник, как ни в чем не бывало вскрывал депеши, делал из них выписки, потом заклеивал снова; и лишь потом они доходили до венской миссии. И даже после того, как эта практика отмерла, письмо, отправленное на имя тамошних прусских посланников простой почтой, считалось одной из деликатных форм официального сообщения берлинского кабинета кабинетам Вены и Петербурга. Для обеих сторон содержание этих писем было заведомо инсинуированным, пользовались же они этим тогда, когда желательно было ослабить следствие неприятного сообщения, чтобы не испортить тона формальных отношений. Как понимала почта Турн-и-Таксиса¹² неприкосновенность частной переписки, следует из моего письма к министру фон Мантейфелю от 11 января 1858 г.: «Я уже высказал в телеграмме пожелание не посылать по почте графу Флемингу в Карлсруэ мое секретное донесение о жалобе лорда Блумфилда по делу Бентинка и не доводить его таким образом до Австрии. Если бы моя просьба пришла слишком поздно, то я попал бы по отношению ко многим лицам в неприятное положение. Таковое не может разрядиться иначе, как путем личного столкновения между мной и графом Рехбергом. Из австрийской точки зрения на тайну личной переписки следует: то обстоятельство, что доказательства почерпнуты из вскрытого письма, не помешает ему использовать их. Я даже жду от него недвусмысленного намека на то, что депеша могла быть сдана на почту лишь с целью довести ее до сведения правительства императора».

Когда в 1852 г. я руководил венской миссией, то столкнулся там с обычаем, соответствующим которому посланник, предоставляя то или иное сообщение, должен был явить австрийскому министру иностранных дел оригинал инструкции, которая поручала ему это из Берлина. Это безусловно вредное для дела правило, при котором официальная деятельность посланника оказывалась в сущности излишней, было внедрено настолько глубоко, что правитель канцелярии миссии, десятки лет живший в Вене, узнав о том, что я запретил это, явился ко мне с заявлением относительно того, какое недоверие внезапное нарушение нами долголетней практики вызовет в императорской государственной канцелярии. В первую очередь поставят под сомнение, действительно ли то, чего я добиваюсь у графа Буоля, соответствует смыслу присланных мне инструкций и, следовательно, намерениям берлинской политики. В Вене иногда прибегали к очень энергичным средствам, чтобы оградить себя от измены со стороны чиновников иностранного ведомства. Мне попал однажды в руки секретный австрийский документ, из которого я запомнил следующую фразу: «Будучи не в силах разобраться в том, кто из четверых чиновников предал его, Каувиц повелел утопить в Дунае всех четверых при помощи лодки с люком». В одной шутливой беседе, которую я однажды вел в 1853 или 1854 году с русским посланником в Берлине, бароном Будбергом, тоже зашла речь об этом потоплении. Я вспомнил об одном чиновнике, который, исполняя возложенные на него поручения, действовал однако в интересах одного иностранного государства. Барон ответил мне на это: «Если этот человек мешает вам, то отправьте его к Эгейскому морю, у нас там есть средства, которые помогут ему исчезнуть». Я, немного испугавшись, спросил его: «Но вы ведь не утопите его?»

обижен множеством советов, которые ему приходится выслушивать от его высоких родственников, а также тоном, каким они даются. Обычно говорят: «Россия должна», «император должен», – а если с ними не соглашаешься, следуют оскорбительные альтернативы. Но наиболее неприятны письма, которые прибывают на имя членов императорской фамилии, например, на имя великой княгини Елены от ее братьев или на имя принцессы Ольденбургской из Нассау, и направляются почтой для того, чтобы их могли прочитать, тогда как они содержат величайшие грубости по отношению к императору».

¹² Почтовая монополия в Австрийской империи находилась в наследственном владении князей Турн-и-Таксис. Их предок в 1512 г. организовал первую регулярную почтовую связь, и с конца XVI века привилегия на заведывание государственной почтой сохранялась за этим родом. В 1867 г. дом Таксисов, чья почтовая организация к этому времени охватывала 17 немецких государств, отказался за 3 миллиона талеров от своей монополии в пользу государства.

На что он продолжал, рассмеявшись: «Да нет же, он сам утонет в недрах России, а позже, так как он все-таки человек ловкий, вынырнет сам в образе образцового русского чиновника».

Глава 2

Бисмарк о России в европейской политике

Движение в Польше началось в одно время с переворотом в Италии¹³ и было связано с ним. В первое время оно выражало себя в национальном трауре, церковных праздниках, связанных с памятливыми для страны днями, и в агитации земледельческих сообществ¹⁴. В Петербурге это вызвало пространные колебания между полонизмом и абсолютизмом. Течение, дружественное полякам, связывалось с требованием установления конституции, слышным теперь и в высших кругах русского общества. Ведь русские, тоже будучи образованными людьми, должны были обходиться без законных учреждений, которые были у всех народов Европы и не имели возможности участвовать в обсуждении своих собственных дел и законов. Этот факт воспринимался как унижение. Конфликт, возникший на почве отношений к польскому вопросу, получил распространение даже в высших военных кругах и привел к бурному объяснению между варшавским наместником генералом графом Ламбертом и генерал-губернатором генералом Герстенцвейгом, которое закончилось насильственной смертью последнего (январь 1862 г.) при невыясненных обстоятельствах¹⁵. Я был в одной из лютеранских церквей Петербурга на его похоронах. Для русских, которые требовали для себя конституции, частым оправданием служили слова о том, что поляки не могут находиться под управлением русских и, в качестве более цивилизованных, могут предъявить повышенные требования на участие в управлении. Такого мнения придерживался и князь Горчаков, однако его потребность в популярности делала его неспособным бороться с либеральной волной в русском обществе, но которому парламентские учреждения вполне бы обеспечили европейское поприще для проявления его красноречивого дара. При оправдании Веры Засулич (11 апреля 1878 г.)¹⁶ он был первым, кто подал сигнал к рукоплесканиям присутствовавших. Когда я уезжал из Петербурга в апреле 1862 года, то видел борьбу мнений, происходившую там, в весьма оживленном состоянии, – так продолжалось и в течение первого года моей министерской деятельности. Вспыхнувшее 1 января 1863 г.¹⁷ восстание затронуло не только интересы наших восточных провинций, но и другой вопрос, по своим последствиям более важный. Это был вопрос о том, какое же направление доминировало в русском кабинете – то, что дружественно Польше или же антипольское: стремление к панславистскому, антигерманскому братанию между русскими и поляками или идея взаимной поддержки русской и прусской политики. Именно под этим впечатлением я взял на себя руководство министерством иностранных дел. Среди тех, кто стремился к братанию, русские были честнее; польское же дворянство и духовенство вряд ли верили в

---

¹³ Переворотом в Италии Бисмарк называет экспедицию Гарибальди в южную Италию в мае – сентябре 1860 г. (поход «тысячи»). При поддержке массового крестьянского движения Гарибальди освободил Сицилию от власти неаполитанских королей, а затем, перейдя на материк, сверг власть Бурбонов во всем Неаполитанском королевстве. В том же году области, освобожденные Гарибальди, были присоединены к Сардинскому королевству, принявшему название Итальянского королевства.

¹⁴ Речь идет о событиях, предшествовавших польскому восстанию 1863 г. Годовщины революции 1830 г., Гроховской битвы 1831 г., смерти Костюшки и др. были использованы для организации политических демонстраций. Земледельческое общество, созданное в 1857 г., было центром польского националистически настроенного дворянства; в связи с его закрытием весной 1861 г. в Варшаве была организована манифестация.

¹⁵ Русский генерал Герстенцвейг, варшавский генерал-губернатор, был вдохновителем репрессивных мер против польского национального движения. Покончил с собой, проиграв графу Ламберту американскую дуэль, по правилам которой дуэлянт, вытянувший жребий, лишает себя жизни.

¹⁶ Вера Засулич (1849–1919) – русская революционерка, в начале 1878 г. совершила покушение на петербургского градоначальника Трепова. Под давлением общественного мнения суд присяжных 31 марта 1878 г. вынес ей оправдательный приговор. У Бисмарка неточность. Следует читать 12 апреля.

¹⁷ Фактическая неточность. Восстание в Польше началось 22 (10) января 1863 г.

успех этих стремлений или же принимали его во внимание как определенную цель. Едва ли хоть один поляк видел в политике братания нечто больше, чем тактический ход, целью которого было обманывать легковверных русских до тех пор, пока это представляется нужным или выгодным. Польское дворянство и его духовенство отвергают это братание если и не совсем с той же, то все же почти с такой же неизменностью, как братание с немцами. Последнее же для них является еще более неприемлемым не только из-за расовой антипатии, но и в силу того убеждения, что при совместном государственном существовании русские оказались бы под руководством поляков, а немцы – нет. Позиция России была вопросом первостепенного значения для германского будущего Пруссии. Направление русской политики, дружественное полякам, благоприятствовало бы оживлению русско-французских связей, к развитию которых при случае стремились со времени Парижского мира, если не раньше. Дружественный полякам русско-французский союз, идея которого витала в воздухе до июльской революции, поставил бы тогдашнюю Пруссию в затруднительное положение. Поэтому в наших интересах было бороться против партии польских симпатий в русском кабинете, даже в том случае, когда симпатии эти понимались в духе Александра I. Из доверительных бесед, которые я вел не только с князем Горчаковым, но и с самим императором, я мог сделать вывод, что Россия сама не давала никаких гарантий относительно того, что небратания с Польшей не произойдет. Император Александр был тогда не прочь отдать часть Польши, об этом он сказал мне без обиняков. По крайней мере это касалось левого берега Вислы, причем, не делая на этом особого акцента, он исключил Варшаву, которая, как место расквартирования войск, все же имела для армии свою привлекательность и стратегически входила в укрепленный треугольник на Висле¹⁸. Польша, по его словам, была источником тревоги и европейских опасностей для России, а русификация ее виделась невозможной из-за различия вероисповеданий и по причине недостаточных административных способностей русских властей. По его мнению, нам, немцам, удалось бы германизировать польские области, ибо немецкий народ культурнее польского и у нас есть все средства к этому. Русский же человек не чувствует того превосходства, какое нужно для господства над поляками, поэтому следует ограничиться тем минимумом польского населения, какой допускает географическое положение, т.е. – границей по Висле и Варшавой как предмостным укреплением. Не знаю, насколько зрелы и обдуманно были эти высказывания императора. По-видимому, с государственными людьми они были обсуждены, ведь самостоятельной, личной политической инициативы по отношению ко мне я не наблюдал у императора никогда. Этот разговор произошел тогда, когда уже было вероятно, что я буду отозван. Я сказал, что сожалею о моем отзывании не ради учтивости, а потому что это было правдой. Эти слова побудили императора, не так меня понявшего, задать мне вопрос – не склонен ли я вступить на русскую службу. Я учтиво отклонил это, подчеркнув свое желание остаться вблизи его величества в качестве прусского посланника. Если бы император сделал с этой целью какие-либо шаги, то, возможно, мне это не было неприятно. Однако мысль о том, чтобы служить политике «новой эры» в качестве министра или посланника, в Париже или Лондоне без перспектив на участие в нашей политике, не заключала в себе ничего привлекательного. Я не знал, чем и как я мог бы быть полезен своей стране и своим убеждениям, если бы я находился в Лондоне или в Париже, как не знал, что влияние, которым я пользовался у императора Александра и у его наиболее выдающихся государственных деятелей, не было лишено значения с точки зрения наших интересов. Мне становилось не по себе при мысли о том, чтобы сделаться министром иностранных дел, как бывает не по себе человеку, которому предстоит выкупаться в море в холодную погоду; но все эти ощущения были недостаточно сильны, чтобы побудить меня самого вмешаться в собственное будущее или просить о том императора Александра.

¹⁸ Укрепленным треугольником на Висле называлась система трех крепостей: Варшавы, Новогеоргиевска (Модлина) и Зегрже в Варшавском укрепленном районе.

После того как я все-таки стал министром, на первый план для меня вышла внутренняя, а не внешняя политика. В области последней мне, учитывая влияние моего недавнего прошлого, были особенно близки отношения с Россией, поэтому я по возможности стремился сохранить за нашей политикой капитал того влияния, каким мы располагали в Петербурге. Прусской политике, так как она развивалась в германском направлении, ожидать тогда поддержки со стороны Австрии было невозможно. Маловероятным выглядело и то, что благожелательное отношение Франции к нашему усилению и к объединению Германии надолго останется искренним, тем не менее это убеждение не должно было препятствовать тому, чтобы временно из соображений выгоды принимать от Наполеона поддержку и поощрение, основанные на ошибочных расчетах.

По отношению к России мы были в таком же положении, как и по отношению к Англии, так как с обеими этими странами у нас не наблюдалось принципиального расхождения интересов, кроме того, с обеими нас связывала долголетняя дружба. Вряд ли мы могли ожидать от Англии чего-либо кроме платонического доброжелательства да поучительных писем и газетных статей. Царская же помощь, как показала венгерская экспедиция императора Николая¹⁹, при известных условиях, простиралась за пределы благожелательного нейтралитета. Что это будет сделано ради нас – не приходилось рассчитывать, но ничто не мешало учесть и такую возможность, что при французских попытках вмешаться в германский вопрос, император Александр сможет оказать нам хотя бы дипломатическую поддержку при отражении этих попыток. Настроение этого монарха, дающее почву такому моему допущению, обнаружилось еще в 1870 г.²⁰

---

¹⁹ В 1849 г. революция в Венгрии была подавлена русскими войсками.

²⁰ В 1870–1871 гг., во время франко-прусской войны, Россия заняла дружественную Пруссии позицию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.